

ЖИВАЯ СТАРИНА

4(60)2008

**Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре**

Учредитель и инициатор возобновления издания
Государственный республиканский центр русского фольклора

Основан в 1890 году
Возобновлен в 1994 году

Руководитель издательского проекта
А.С. Каргин

Главный редактор **С.Ю. Неклюдов**

Редколлегия:

М.В. Ахметова (зам. главного редактора)

О.В. Белова

Л.Н. Виноградова

В.М. Гацак

М.А. Енговатова

А.Ф. Некрылова

В.Я. Петрухин

И.А. Разумова

С.М. Толстая

А.В. Чернецов

Ответственный секретарь редакции

А.С. Подгаец

Научный редактор

О.В. Трефилова

Макет и компьютерная верстка:

И.К. Дергунова, Т.В. Бурцева

Обработка иллюстраций:

А.А. Зернов

Адрес редакции: 119034,
Москва, Турчанинов пер., 6

Тел.: (499) 245-2205, 245-2079

факс: (499) 246-9323

E-mail: crf@inbox.ru

(с указанием: для «Живой старины»)

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 01827 от 30 ноября 1992 г.

Подписано в печать 24.11.2008. Формат 60×90 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,0.

Тираж 3000 экз. Заказ 186. Цена договорная

Отпечатано в типографии

ООО «Печатный салон ШАНС» 800 экз.

125412, Москва, ул. Ижорская, д. 13/19

Рукописи не возвращаются. При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

© «Живая старина», 2008

На 1-й стр. обложки: Зыбка в доме А.Е. Юрьевой, 1921 г.р. С. Моша Няндомского р-на. 2004 г.
Фото А.Б. Мороза

На 4-й стр. обложки: «Борис видит сон о смерти своей». Клеймо иконы «Борис и Глеб с житием». XIV в. Государственная Третьяковская галерея. Из книги: Аллатов М.В. Древнерусская иконопись. М., 1978

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТ УСТНЫЙ – ТЕКСТ КНИЖНЫЙ

<i>Е. Бартминский.</i> Весенняя игра «Жельман»: пример паратекста с польско-украинского пограничья. Перевод с польского <i>Л.Н. Виноградовой</i>	2
<i>А.В. Чернецов.</i> К изучению истоков восточнославянской снотолковательной традиции	5
<i>С.Е. Никитина.</i> Другие «Самарянки»	9

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ В СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

<i>Л. Раденович.</i> О символике виноградной лозы	14
<i>Л.Н. Виноградова.</i> Об одном демонологическом мотиве: «ведьма ездит верхом на человеке»	16
<i>А.А. Плотникова.</i> Беседы о ведьмах	19
<i>Е.В. Сафонов.</i> Переход в иночество: рассказы о визионерском опыте	23
<i>М.А. Андрюнина.</i> Пространственные характеристики календарных поминальных обрядов	26

ОБРЯДОВЫЕ И МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

<i>М.А. Енговатова.</i> Венок смоленской невесты	29
<i>Н.П. Антропов.</i> Номинации белорусской дожинальной «бороды» в картографическом аспекте	33
<i>С. Небежеговская-Бартминская.</i> Традиционная магия и современное магическое поведение, или Новое время, старые практики	36
<i>О.А. Пашина.</i> «Святые» в русской деревне XX века как социальный институт	39

ПИЩА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>Е.Л. Березович, К.В. Пьянкова.</i> «Эти щи по заречью шли...»	43
<i>А.В. Гура.</i> Свадебная каша у славян	46
<i>Г.И. Кабакова.</i> «Сторонись, душа, оболью!»	48

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Памяти Е.М. Мелетинского	
<i>Б.Л. Рафтин.</i> Осколки воспоминаний	51
<i>Е.С. Котляр.</i> Его последняя книга осталась недописанной	53
<i>Е.С. Новик.</i> Памяти учителя	54
<i>А.В. Козьмин.</i> Две заметки о полинезийском фольклоре	56

ЭКСПЕДИЦИИ

<i>А.С. Тигай.</i> Запреты при беременности (по материалам Архангельской области)	57
---	----

ЮБИЛЕИ

К юбилею Светланы Михайловны Толстой	60
--	----

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Л.Н. Виноградова.</i> Сборник быличек и демонологических поверий Нижегородской области	61
<i>Е.В. Милукова.</i> «Фамильная память» новокурлакцев	62
<i>О.Б. Христофорова.</i> Небесные письма: новая книга о народной религиозности	64
<i>Б.Г. Ахметшин.</i> Традиционная русская народная песня в современной Башкирии	66
<i>О.Б. Христофорова.</i> Коротко о книгах	68
<i>О.В. Трефилова.</i> Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике	68
<i>Т.С. Канева.</i> Новые издания по традиционной культуре в Республике Коми	69

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

<i>М.В. Ахметова.</i> XV Лотмановские чтения	70
Содержание журнала «Живая старина» за 2008 г.	71

Е.В. САФРОНОВ

ПЕРЕХОД В ИНОБЫТИЕ: РАССКАЗЫ О ВИЗИОНЕРСКОМ ОПЫТЕ

Среди рассказов о визионерском опыте можно выделить три группы текстов: рассказы о сновидениях, обмираниях и видениях¹. Оставляя в стороне сложную проблему соотношения в данных повествованиях устной и книжно-письменной культур², мы сосредоточимся на особенностях реализации в указанных рассказах мотивов перехода в инообытие и выхода из него. Цель работы, таким образом, — сопоставить визионерские тексты на уровне экспликации отдельной группы мотивов.

В рассказах о снах переход в инообытие оформляется благодаря набору «пограничных» образов-мотивов, типичных для многих фольклорных жанров (духовных стихов, сказок, при чтаний, быличек и др.). В частности, чтобы оказаться в ином мире, сновидец должен преодолеть овраг, яму, пропасть, реку, море, ручей (по мосту, нитке, жерди и т.п.), подняться на гору или лестницу, спуститься в яму, могилу, лететь по воздуху либо через тоннель, трубу, пещеру, гору и т.п.³:

Я приземляюсь на маленькую полянку, но там оказывается один. Меня от всех них отделяет маленькая речка. Я подхожу к речке, пытаюсь её переступить... [Некая женщина запрещает сновидцу переходить реку, говорит, что «еще рано»] [1].

Вот недавно видела сон <...> но все говорят — може, ад или чаво ли?.. Вот <...> в овраге есть [прогал] — я вроде этим прогалом иду и иду. И зачерпнула воды, а уж оттуда взяла вёдра на коромысл и говорю: «А где тропа-то, а как идти-то, а кудай-то тропа делась?» [2].

[Во сне рассказчица со своей матерью идет к могиле отца.] ...Подходим будто к могиле, могила раскрываца, и ступеньки туда. Спустились мы... [Сновидца видит большую светлую комнату, в которой за столом сидит умерший отец] [3].

В некоторых нарративах описание перехода составляет основу сюжета рассказа, представляя собой целостную картину «пограничного» мира. Обычно в этих случаях используются образы-мотивы комнаты или дома (вариант: церкви) с длинным коридором, по которому сновидец ходит, поочередно открывая двери и как бы заглядывая в инообытие:

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ САФРОНОВ,
аспирант Ульяновского гос. пед. ун-та

[Во сне рассказчик видит церковь.] В двери [церкви] захожу <...> и вот четыре двери. Дверь открываю: сидит чёрт, мужчина, с рогами, с усами, с бородой сидит, чинит хомут: «Тебе, — говорит, — здесь делать нечего, сюда добираться». Я эту дверь закрыл. Вторую открываю дверь, открываю — конюшня стоит с лошадьми, тоже черти говорят: «Тебе делать нечего». В третью дверь меня не пустили. В четвёртую дверь зашел — там женщины, девочки, — все в белых халатах, и я туда зашел...» [4]⁴.

Любопытно, что этот же образ-мотив актуален для вещих сновидений: в данных рассказах он выступает как предзнаменование смерти = переход в инообытие:

...На работе у нас сильно заболел начальник... Однажды мне приснился сон, что он идёт по длинному чёрному коридору, пробует открыть двери, но ни одна не поддается, он посмотрел на меня и исчез. Проснулась с неприятным ощущением, почувствовала, что с ним что-то случилось. В этот день нам сообщили, что он умер [5].

К «переходным» сновидческим образам-мотивам относятся также «загородка до самого нёбушка», за которой сновидец видит обитателей того света; радуга, куда уходит неродившийся ребенок после сделанного абортса, и др.

Нетрудно заметить сходство образов-мотивов иниомирных сновидений с их аналогами в рассказах об обмираниях. М.Л. Лурье и А.В. Тарабукина отмечают, что в рассказах об обмираниях обмерший может переходить «через реку (иногда огненную или с кипящей смолой) по "мостинкам", "кладочке", шнуре, нити», залезать «на кручу гору», спускаться в могилу, подниматься «по "лесенке" вверх». Встречается и образ-мотив «дома с коридором»⁵.

Подчеркнем, что как в сновидениях, так и в устных обмираниях описание «перехода» — не обязательный элемент рассказа⁶.

В известных нам текстах рукописно-книжных видений потустороннего мира наиболее типичной манифестиацией мотива перехода является описание некоего движения с проводником — без конкретизации деталей этого пути. Для видений (как и для некоторых снов и обмираний) часто важнее оказывается образ самого персонажа-проводника,

нежели описание пути в иной мир. Это может быть «стар муж», прекрасные юноши и т.д.⁷ В отдельных текстах этот мотив редуцирован и описание «перехода» отсутствует⁸.

Однако рукописно-книжные видения эксплицируют в пределах данного описания и ряд специфических деталей, в большей степени типичных именно для этого жанра. Среди них особо следует выделить мотив отделения души от тела, а также нередко коррелирующий с ним мотив видения своего тела со стороны. Ср. два текста: 1. «И внезапу яко врата разтвориша, и мене яко за руку ять нъкто и исторгнув из врать внъ, и паки врата затвориша. И обрѣтохся нъгдъ, яко на зеленъ травъ стою, а тѣло свое зрю на земли лежащее пред собою. И прежде удивихся сему и размышляя в себѣ: како единаго себе положена сугуба суща зрю и раздѣлъна?»⁹; 2. «В ето время я почувствовала, как душа моя отделилась от тела. И я обнаружила двойственность своего положения, т.е. я смотрю на себя, на свое окровалено тѣло, как на свою одежду, и поняла, что умерла. Убедившись в том, что душа моя вышла из тѣла, мне было жаль оставлять этот мир...»¹⁰.

Этот мотив весьма устойчив: достаточно сказать, что по времени создания приведенные выше тексты отстоят друг от друга более чем на 300 лет: первый («Повесть Никодима») написан около 1640—1650 гг., второй («Видение Клавдии») датируется 1960-ми гг.

Мотив отделения души от тела «присутствует во многих памятниках древнерусской литературы и духовной поэзии»¹¹, а также в фольклоре (например, в духовных стихах, причтаниях, сказках, легендах¹²). Подобные описания иногда встречаются и в устных обмираниях, а также в рассказах о сновидениях:

Сверху он видел <...> как уложили его в гроб и жена оплакивала его...»¹³ (рассказ об обмирании).

Я видела как бы себя со стороны. Как будто это была там я, но я наблюдала за собой, то есть как будто... как будто я сплю, и я себя видела сверху, как будто у меня душа оторвалась и я себя наблюдаю сверху [6] (рассказ о сне).

Активизировавшийся в последние несколько десятилетий научный и в ос-

новном околонаучный интерес к рассказам о переживаниях во время клинической смерти сделал разбираемый мотив достаточно известным¹⁴.

Как предполагает Е.Е. Левкиевская, «явно под влиянием» этого же интереса перемещение в иной мир в рассказах такого рода «описывается не в архетических образах перехода по мосту или влезания на высокую гору, что до сих пор характерно для деревенской традиции, а в виде полета души по длинному темному тоннелю, в конце которого виден свет»¹⁵.

С нашей точки зрения, прямое влияние вряд ли имеет место во всех рассказах подобного рода, тем более что авторитетные реаниматологи указывают на существование возможных психофизиологических коррелятов, связанных с мотивами «нахождения вне тела» и «полета по тоннелю»¹⁶.

Кроме того, данные описания могут органично соединяться в текстах с рядом других — характерных для традиционной культуры (в том числе для рассказов об обмираниях) — образом мотивов леса, окна, трубы¹⁷ и др.:

Мне должны были делать операцию на ногу, но анестезиолог поставил неудачно укол, и у меня пошло в верхнюю часть тела. [Происходит остановка сердца.] Помню — подумала: «Вот так и умирают», — меня как будто потянуло в трубу¹⁸, я пролетела сквозь окно и понеслась в лес. Хотя операцию делали днем, мне казалось всё кромешной тьмой, — я видела вдалеке красный огонёк, звездочку и летела прямо на неё <...> [7].

...Передо мной большая гора, а в ней — маленькая чёрная дырочка. Я поднимаюсь туда, и она оказывается большой пещерой. Я иду туда, и меня начинает заасасывать. Я лечу с очень большой скоростью... [Сновидец встречает некую женщину, которая запрещает ему переходить «маленькую речку» в стереотипной для таких текстов форме: «Тебе ещё рано сюда. Тебе ещё очень долго жить...】 [1].

Анализируемый образ-мотив может присутствовать и в текстах о вещих снах¹⁹. При этом то, что в рассказах об опыте клинической смерти сопрягается в едином симультанном акте (описание перехода в видении подразумевает состояния временной смерти в реальности), в текстах о вещих сновидениях оказывается разведенным во времени и эксплицируется в разных частях рассказа: картина перехода описывается в повествовании о самом сне; описание соотносимой со сновидением будущей смерти обычно приходится на ту часть рассказа, в ко-

торой говорится о коррелирующих со сном событиях реальности:

Моей бабушке приснился сон (она [в реальности] заболела неизлечимой болезнью — раком). <...> Она говорит, будто нахожусь внизу, под самым домом, и не могу выбраться <...> «Будто я ползу туда и вижу в конце тоннеля свет, я хочу к этому свету, просыпаюсь», — и так не смогла выбраться. Буквально через два месяца она умирает... [8].

В последнем тексте реализуется традиционная модель, подтверждаемая и сновидческими приметами, в соответствии с которыми невозможность выйти из иного мира (преодолеть преграду, мост, выбраться из ямы, пещеры и т.п.) осмысливается как предвестие смерти,ср.: «Идэш и в яму. Як выйдэш — то шэ жытымэш, а як нэ выйдэш — то вмрэш»²⁰.

Следовательно, признавая влияние на указанные мотивы популярных оклонакальных представлений (особенно в массовой городской культуре), необходимо учитывать и определенное соответствие этих «ментефактов» системе традиционных представлений, готовность этой системы их воспринять. Относительно описаний так называемого внтелесного опыта и отделения души от тела данный тезис не нуждается в особых доказательствах, поскольку эти мотивы встречаются во многих оригинальных и переводных памятниках древнерусской литературы, а также в фольклоре.

Рассматривая последний пример, мы упомянули об описании выхода из иного бытия. Как и мотив перехода на тот свет, это описание присутствует далеко не во всех текстах «визионерских» жанров. Наиболее часто говорится о том, что визионер/сновидец «ожил», «проснулся» и т.п., например: «На меня заворчал муж, и я проснулась и оказалась в избе»²¹.

Однако иногда выход из иного мира оформляется в анализируемых рассказах с помощью ряда специфических мотивов. Так, в обмираниях визионер может «покидать» иного бытие следующим образом: его «бросают в падаль», «толкают в собственное тело — холодный чулан с костями», «ведут, висит полог, как пихнут его...», перед тем, как проснуться, визионер переступает через змею и т.д.²² Мотив выталкивания из иного мира характерен и для некоторых сновидений:

[Некие ворота на том свете начинают «смыкаться»], и, чтобы успеть, она [умершая сестра] её [сновидцу] толкнула, ну,

во сне толкнула, чтобы она быстрее через эти двери прошла, и потом ворота сокнулись, и она проснулась [9].

[Во сне] она [умершая сестра] меня даже пытается вытолкнуть чтобы: «Уходи, уходи!..» — со словами она меня даже выталкивала, я стала уходить... я споткнулась об эти цветы и — вышла оттуда, из этого сада [в котором находилась увиденная умершая] [10].

Любопытно, что выпроваживать из мира, по отношению к которому тот или иной персонаж является «чужим», могут представителей как иного, так и «нашего» мира. Иногда это реализуется благодаря использованию одних и тех же образов-мотивов: например, в одном из рассказов о сновидении представитель иного мира, пришедший во сне в пространство «нашего мира», изгоняет-ся сновидцем при помощи палки:

...Он [сновидец] понимает, что если она [умершая бабушка] сейчас уведёт её, его мать, то она уже не вернётся. Он берёт какую-то палку и начинает орать на эту бабушку: «Уди отсюда! Оставь нас!» — и прогоняет её палкой. Ну, она уходит... [11]²³.

В свою очередь, сам визионер может «выпроваживаться» из иного бытия аналогичным образом: «А потим, ка, бачу — дид з киёчком да йде да каже: "А чого ти [т.е. обмерший] сюда пришлов, не вмерший?" Такий високий киёк у ёго. Як даў по спини, так вин и проснуўся...»²⁴

В ряде рукописно-книжных видений, в отличие от обмираний и особенно от сновидений, делается акцент на описании «возвращения в тело», при этом иногда упоминается о нежелании визионера возвращаться, например: «Аггелы несли меня по воздуху, и я скоро очутился въ своей келии, гдѣ лежало бездыханное мое тѣло. Кто бы могъ представить, сколь гнусно, сколь отвратителю казалась тогда плоть моя! Нѣсколько раз отворачивался я от моего бренного праха и молить аггеловъ избавить меня от тѣла смерти сея...»²⁵.

Подводя некоторые итоги, отметим, что проанализированные примеры позволяют говорить о тесной близости мотивов, связанных с переходом в иной мир (а также с выходом из него) во всех рассмотренных нами группах текстов о визионерском опыте. В то же время можно констатировать ряд значимых отличий, по всей видимости обусловленных влиянием устной и книжной культуры, на которые преимущественно ориентирована та или иная группа рас-

сказов. Наличие подобной интенции говорит об отсутствии жестких границ между указанными группами: эти границы проницают — в том числе и на уровне жанровой «терминологии» — как в дискурсе исследователей, так и в рассказах информантов, ср., например, указания некоторых исследователей на существование «снов-обмираний», письменных форм обмираний²⁶; кроме того, значимо существование письменных дневников сновидений, употребление термина «видение» применительно к обмираниям и рассказам о снах и т.п.

Примечания

¹ В данной работе рассматриваются главным образом рассказы, связанные с визионерским опытом контакта с инообразием. Подробнее об этих текстах см., например: Толстая С.М. Полесские «обмирания» // ЖС. 1999. № 2. С. 22—23; Она же. Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования // Славяноведение. 2000. № 6. С. 14—20; Она же. Иномирное пространство сна // СВ. С. 198—219; Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006; Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // ЖС. 1994. № 2. С. 22—26; Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 176—239 и др.

² См. об этом: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 161—178, особенно — с. 175; Чередникова М.П. Письменная традиция обмираний // СВ. С. 229, 238; Толстая С.М. Иномирное пространство сна. С. 211—212, 218; Она же. Обмирание // СД. Т. 3. М., 2004. С. 464; Она же. Рассказы о посещении «того света» в их отношении к книжному жанру «видений» // Jews and Slavs. Jerusalem, 2003. Vol. 10. С. 43—54; Пигин А.В. Указ. соч. С. 6—9 и др.

³ Ср. значимость некоторых из этих образов-мотивов для так называемых вещих сновидений: Разумова И.А. Потасенное знание современной русской семьи. М., 2001. С. 100—101; Виноградова Л.Н. Мост // СД. Т. 3. М., 2004. С. 305. Общие замечания о мотивах пути в иной мир в славянской традиции см., например: Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 51—55, там же библиография вопроса.

⁴ Ср. с опубликованным текстом: Лурье М.Л., Черешня А.В. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 297.

⁵ Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Указ. соч. С. 23. Ср.: Толстая С.М. Полесские «обмирания»... С. 22—23, текст № 7.

⁶ В отношении обмираний см. об этом, например: Толстая С.М. Обмирание... С. 462.

⁷ См. тексты видений, опубликованных в: Пигин А.В. Указ. соч. С. 250, 257, 268, 270, 277—278, 349.

⁸ Там же. С. 272.

⁹ Там же. С. 243. См. также: Повесть душеполезна старца Никодима... / Подгот. текстов и иссл. А.В. Пигина. СПб., 2003. С. 131—132.

¹⁰ Пигин А.В. Указ. соч. С. 361—362.

¹¹ См. там же: С. 174—175.

¹² См., например: Толстая С.М. Душа // СД. Т. 2. М., 1999. С. 164; Соболев А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям. СПб., 2000. С. 56—64; Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI—XIX вв. М., 1991. С. 231—232; Причитания. Л., 1960. С. 293, 311; Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 123—131; Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979, № 808=AA 808*; Федотов Г.П. Стихи духовные. М., 1991. С. 79—104; Седакова О.А. Указ. соч. С. 58; ср. также: Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточных обрядов. СПб., 1993. С. 105—106.

¹³ Тодорова-Пиргова Н. Представления о «том свете» в биографических нарративах // ЖС. 1999. № 2. С. 25. Ср. также: Никитина С.Е. Сны и обмирания у духовцев // СВ. С. 224.

¹⁴ См., например: Moudi P. Снова о жизни после жизни. М., 1998; Он же. Возвращение назад. М., 1998; Жизнь после смерти: Сб. ст. / Под ред. П.С. Гуревича. М., 1990; обширную библиографию на эту тему см. в кн.: Серафим (Роуз), иеромонах. Душа после смерти: Современные «посмертные» опыты в свете учения Православной церкви. М., 1991. Цит по: lib.eparhia-saratov.ru/books/17s/serafim_rouz/afterdead/contents.html; Александр (Миллеант), епископ. На пороге жизни и смерти. СПб., 1997. Цит. по: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/01a/al-dr_mileant/threshold/threshold.zip.

¹⁵ Левкиевская Е.Е. Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник. М., 1997. С. 810.

¹⁶ Имеются в виду феномены так называемого «трубчатого зрения», «деперсонализации» и т.п. См.: Неговский В.А. Некоторые методологические проблемы современной реаниматологии // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 72—73; Он же. Очерки по реаниматологии. М., 1986; Он же. Клиническая смерть глазами реаниматолога // Человек. 1991. № 2. Цит. по: http://aquareun.ru/psih/smert/smert8.html.

¹⁷ Ср.: «В обмираниях иной мир часто предстает как лес, по которому ходят спящий» (Агапкина Т.А. Лес // СД. Т. 3. М., 2004. С. 97). Ср. также: Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Окно // СД. Т. 3. М., 2004. С. 534; Толстая С.М. Душа... С. 164.

¹⁸ Ср. другой рассказ об аналогичных переживаниях (клинической смерти во время операции): «...И я провалилась в облака <...> я быстро улетела в трубу...» [12].

¹⁹ Или, пользуясь термином, предложенным М.Л. Лурье, — в рассказах о «собственно вещих» сновидениях. См.: Лурье М.Л. Вещие сны и их толкование // СВ. С. 28.

²⁰ Гура А.В. Снотолковательная традиция полесского села Речица // СВ. С. 74, ср.: Валенцова М.М. Полесская традиция о сновидениях // СВ. С. 49.

²¹ Видение Агнии // Духовная литература староверов востока Сибири XVIII—XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. С. 149.

²² См. Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Указ. соч. С. 23.

²³ Данный текст коррелирует с рассказами о явлениях покойников наяву, в которых персонажи «нашего мира» пытаются избавиться от визитов умерших.

²⁴ Толстая С.М. Полесские «обмирания»... С. 22, текст № 4.

²⁵ Там же. С. 302. В упоминавшейся популярной книге Р. Моуди рассказам с указанными мотивами посвящен отдельный параграф. См.: Moudi R. Указ соч. С. 272—273. Ср. также замечание А.Я. Гуревича (на материале западноевропейских видений) — Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. С. 231.

²⁶ См.: Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Указ. соч. С. 24; Чередникова М.П. Указ. соч.

Список информантов

1. С.К. Николаев, 1987 г.р., Ульяновск.
2. Ф.И. Хахулина, 1938 г.р., с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ульяновской обл.
3. Е.В. Киреева, 1938 г.р., с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл.
4. В.В. Томин, 1931 г.р., с. Малая Хомутерь Барышского р-на Ульяновской обл.
5. И.Н. Зотова, 1960 г.р., Ульяновск.
6. Е.А. Петрова, 1984 г.р., Ульяновск.
7. В.А. Афанасьева, 1950 г.р., Ульяновск.
8. М.А. Рахманова, 1986 г.р., с. Шмелёвка Старомайнского р-на Ульяновской обл.
9. Г.В. Леонтьева, 1963 г.р., Ульяновск.
10. Л.П. Сорокина, 1945 г.р., Ульяновск.
11. Ю.А. Кишенина, 1986 г.р., Ульяновск.
12. В.Н. Высоцкая, 1949 г.р., с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл.

Сокращения

- СВ — Сны и видения в народной культуре. М., 2002.
 СД — Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. М., 1995—.